
ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Г.С. Батыгин

Батыгин Геннадий Семенович (1951—2003) — российский социолог, специалист в области методологии социологических исследований, социологии знания, социальной истории науки и общественной мысли. Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН. Основатель и главный редактор (1994—2003) «Социологического журнала». Преподавал в РУДН с 1993 по 2003 гг.

Проблема «интеллектуалы и власть» анализируется в статье при посредстве концептуального инструментария социологии революции Л. Эдвардса. В центре внимания автора оказывается «трансфер лояльности интеллектуалов» — процесс видоизменения системы ценностных и поведенческих ориентаций групп, ответственных за выработку культурно легитимных «картин мира», поддерживающих те или иные институциональные формы социального порядка и властных отношений. Данный процесс рассматривается как один из симптомов грядущего революционного потрясения; описываются его предпосылки, механизмы и особенности протекания.

В 1927 году вышла монография Лайфорда Эдвардса «Естественная история революции» (1), в которой разворачивается эволюционное воззрение на процесс крушения одних социальных институтов и воссоздания других. Эта идея была бы неотличима от модных тогда вариаций на тему «естественности» общественных изменений, если бы в центре внимания исследователя не оказались симптомы революционного процесса на различных его стадиях — тема, сформулированная столетием ранее Алексисом де Токвилем (2).

Речь идет о причинах и источниках революционного процесса. Обычно они усматриваются в противостоянии угнетателей и угнетенных, причем принято полагать, что первые — это темные силы аморализма и косности, а последние воплощают в себе начала добродетели и прогресса. Токвиль расценивал такого рода противостояние как мнимую идеологическую концептуализацию, разворачиваемую победителями, — своего рода «политику, опрокинутую в прошлое». Ему также было ясно, что социальное неравенство, сколь бы глубоко оно ни было, и социальные конфликты, даже самые напряженные, не могут быть необходимыми и достаточными предпосылками политического переворота. Суть дела в способе изменения властных структур: лежат ли в его основе презумпции позитивного права, либо действуют внеправовые мотивы, опирающиеся, как правило, на апелляцию к интересам угнетенных.

Таким образом, общая причина революции не столько в ухудшении положения широких народных масс, сколько в осознании невозможности добиваться успеха с помощью легальных средств. Отсюда следует, что революция является собой по преимуществу кризис легитимности, в качестве последствий которого выступают экономические бедствия и насилие.

Трансфер лояльности интеллектуалов заключается в том, что социальный слой, призванный воспроизводить «картину мира», артикулировать социальный

порядок и осуществлять его трансмиссию будущим поколениям, заражается духом революционной неустроенности, начинает сочувствовать угнетенным и терять веру в идеалы власти. Л. Эдвардс называет этих людей «публицистами», имея в виду не столько представителей литературного жанра, сколько тех, кто выражает волю народа и, тем самым, претендует на властные полномочия. Писатели, социологи, журналисты, учителя, священники — все, чьей обязанностью является концептуализация социального порядка, в том числе моральных норм, ценностей и стандартов поведения, начинают испытывать чувство беспокойства. Это чувство становится возможным при условии достаточной свободы в выражении оппозиционных идей и слабости репрессивного аппарата. Формируются новые ориентиры жизненного успеха, направленные не на поддержание, а на разрушение действующих табу.

Первоначально, когда революция кажется невозможной, это чувство обеспокоенности находит выражение в отчуждении от места обитания: «наука дальних странствий» образует метафорическую антитезу консервативной неподвижности системы. Во всех европейских революциях атака на систему власти осуществлялась посредством указания на кажущийся эталонным внешний образец. Обычно критические демарши обосновываются путем апелляции к международным стандартам: «Во всем мире делается так, а у нас...» Поэтому утверждение, что революции привносятся извне, не лишено оснований. Для понимания данного «привходящего обстоятельства» важное значение имеет зиммелевское понятие «чужого» — аутсайдера, не связанного традициями, обычаями, предрассудками сообщества, в котором (а точнее, среди которого) он живет (3).

Групповая структура рассматривается «чужим» более критично, чем это могут позволить себе «свои». «Чужой» может добиваться успеха путем нарушения явных и неявных норм общественного мнения, обычаев, традиций и прочих условностей, ограничивающих свободу «своего». В результате такого противопоставления у людей открываются глаза на их собственные заблуждения и на катастрофическое отставание от внешних «более прогрессивных» групп.

Процесс усиления влияния «чужих», как правило, встречает определенное противодействие в обществе: люди предубеждены по отношению к «чужому» и эта предубежденность иногда находит выражение в квазипатриотической ксенофобии. Поэтому успех «чужих» зависит от того, насколько распространено недовольство существующей идеологией. Но самый сильный эффект радикализации сознания возникает в результате деятельности «своего», принявшего роль «чужого», например, местного уроженца, прошедшего выучку за границей или ставшего «космополитом» по иной линии. Платон не случайно настаивал на изолированности своего идеального государства от внешних влияний и размещал его в глубине территории — подальше от морских путей.

До времени «наука дальних странствий» не содержит даже намека на революционность, но самыми сильными революционными агитаторами становятся те, кто информирует общественное мнение о положении дел «за океаном». Среди интеллектуалов они являются провозвестниками «трансфера» и возвещают приход новых ценностей.

Положение «чужого» идентифицируется в этническом и социальном контекстах. Европейская цивилизация сформировалась во многом благодаря людям «без роду и племени», лишенным правовой защиты и сословных привилегий, — еврейская диаспора стала социальным ферментом, существенно повлиявшим на создание универсальной системы финансового обращения и вместе с ней универсального социального пространства, по отношению к которому все локальное и обособленное выступает отныне как то, что надлежит преодолеть.

Путешествия — симптом грядущей революции — находят выражение в умонастроениях и высшего, и среднего классов. Это состояние скепсиса и ожидания катастрофы обычно сопровождается маргинализацией «народа» — обезземеливанием крестьян и перемещением их в город, увеличением количества авантюристов, мигрантов, бродяг и преступных элементов.

Социальные отклонения — мощный катализатор революционного процесса — служат одновременно и оправданием предстоящих изменений в структуре власти. Маргинализация означает не только и даже не столько снижение уровня жизни, сколько разрушение традиционных критериев социальной идентификации, когда обретение статуса становится делом личных усилий и, кажется, что каждый может осуществить свой шанс.

«Искатели счастья» формируют новое представление о жизненном успехе, который уже не наследуется вместе с родовыми привилегиями, не предопределяется божественной волей и не завоевывается аскетическим подвижничеством. Они стремятся получить то же, что все, но только больше всех.

Рыцарь, воодушевленный мечтой о Граале, знал, что к этой мечте устремлены лишь избранные. Новый человек — человек шанса — уже убежден, что его выигрыш притягивает всех в равной степени и исключения равнозначны отклонению от нормы. Поэтому в число маргиналов включаются, наряду с проигрывающими, и выигрывающие в жизненной гонке. Выигрывая в доходах, образовании и даже престиже, они теряют место, которое они должны были объективно занимать в социальной структуре. Этот неуместный класс требует социального признания, борется с привилегиями, добивается контроля над социальными институтами и его критичность нарастает по мере того, как репрессивная деятельность со стороны власти ослабевает. «Люди становятся наиболее революционными и наиболее непримиримыми к угнетению, когда реальное угнетение сходит на нет, — замечает Л. Эдвардс. — Наоборот, революции не происходят, когда угнетенные классы достигают предела нищеты» [2. Р. 37—38].

Маргинализация «народа» существенным образом дополняет настроения Разочарования и утраты смысложизненных ценностей среди высших классов. Возникает своеобразный раппорт — взаимное спонтанное реагирование членов социальной группы на симптомы кризиса, которое приводит к лавинообразному нарастанию революционного процесса (впервые эффект раппорта был описан Р. Парком и Э. Берджессом [3. Р. 893]).

Разочарование публицистов влечет за собой возмущение и озлобленность по отношению ко лжи, пронизывающей бюрократизированные властные структуры. История революций показывает, что возмущенный разум публицистов

направлен первоначально на очищение властвующей элиты от «примазавшихся», «бюрократов», «приспособленцев», — словом, всех тех, кто препятствует победному шествию великих идей. Призыв к нравственному покаянию сопровождается требованием отмены всяких привилегий, и новые лидеры афишируют свою скромность и неприязнительность.

Стремление к реформам перерастает в критику самих основ институциональной организации. Во Франции начала XVIII века, вероятно, не было публициста, который бы не возмущался нравами Версаля и коррумпированностью бюрократов. В предреволюционные десятилетия русская общественная мысль формировалась под знаком свободы и прогресса, и любые выступления с охранительных позиций (например, идеи К. Леонтьева) воспринимались в лучшем случае как экстраординарное чудачество. Попытки защитить «реальный социализм» и руководящую роль Коммунистической партии в конце 80-х — начале 90-х годов, когда разрушалась советская система, отчетливо идентифицировались как антинародная деятельность.

Содержание трансфера на этапе развертывания революционной атаки сосредоточено не столько на критике институтов власти, сколько на разоблачении конкретных лиц, принадлежащих к правящей элите. При этом используется реальные или вымышленные позиционные конфликты внутри элиты, чтобы противопоставить «хороших» вождей народа «плохим». Так формируется центральный для идеологии трансфера миф о «хорошем» человеке, который призван воплотить народную волю.

Собственно говоря, публика ждет от публицистов образа героя, который мог бы взять в свои руки власть и вывести народ из тьмы на свободу. Надежды религиозных реформаторов XVI—XVII веков связывались с мечтой о «хорошем папе», а образ «добродетельного государя» является традиционным мифообразующим компонентом для революционной идеологии всех времен и народов. Результатом внедрения в массовое сознание темы «хорошего человека» становится суетливая замена руководящих лиц в аппарате власти — с этого времени власть деморализуется и быстро теряет способность противодействовать разрушительным силам. «Хорошие люди», как правило, обнаруживают свою беспомощность, либо моральную неустойчивость к искушению привилегиями. По меньшей мере, они не оправдывают надежд публицистов на восстановление правды и справедливости. Однако публицистическая атака достигает большего: власть и народ образуют бескомпромиссную оппозицию, причем на одном полюсе сосредоточиваются аморализм и глупость, на другом — добродетель и интеллектуализм.

Крах советской системы обозначился в конце 80-х годов небывалым ростом популярности газетно-журнальной публицистики. Возник феномен «докторальной публицистики», которая на некоторое время стала как бы мозговым центром страны в эпоху гласности. Специалисты по социологии чтения отмечали завораживающий характер новой публицистики, состоящий в том, что речь в ней шла о недозволенном вчера, о запретном. А публицисты перестройки символизировали высокие идеалы правды, моральной чистоты, компетентности и художественного мастерства. В первую десятку перестроечных публицистов 1988 года входили

ли Н. Шмелев, А. Нуйкин, Ю. Карякин, Г. Попов, Ю. Черниченко, А. Ваксберг, В. Селюнин, Ф. Бурацкий, А. Стреляный, О. Лацис [1. С. 21]. Некоторые из них впоследствии «ходили во власть», либо избирались депутатами высших законодательных органов, но, как правило, долго там не задерживались. Опыт революций показывает, что, осуществляя трансфер лояльности, интеллектуалы продолжают сохранять оппозиционность даже тогда, когда на место поверженных «плохих» властителей приходят «хорошие» — казалось бы прогрессивные и свободомыслящие люди.

Техника публицистической атаки аналогична технике политической кампании. От разоблачения «плохих» личностей публицисты переходят к критике институтов власти, прежде всего «бюрократии» и «чиновничества» — эти слова приобретают отрицательный смысл. Скандальные сообщения о невообразимых привилегиях ответработников, роскоши государственных дач, развлечениях политического бомонда, новые прочтения исторического прошлого и раскрытие «белых пятен» привлекают внимание публики довольно непродолжительное время. Одни и те же факты нельзя жарить несколько раз. Но тем самым создается атмосфера скандала, концентрирующего внимание общественности на главных политических институтах — партии, чиновничестве, церкви, службе безопасности. Происходит поляризация сил в сообществе.

Политика гласности оставляет правящим структурам шанс на предотвращение переворота. Для этого они должны направить критический энтузиазм публицистов на разоблачение второстепенных лиц, групп или институций. Часто такие попытки предпринимаются с запозданием. Дело еврейских сахарозаводчиков 1914 года, «узбекское дело» эпохи перестройки, вечная борьба с «бюрократией» — типичные попытки переадресовать конфликт. В период укрепления сталинской власти миф о «врагах народа» и «вредителях» помог сформировать мощный тоталитарный режим. Но чаще всего попытки найти врага приводят в полном соответствии с «эффектом раппорта» к обострению противостояния. Именно в такой обстановке возникает избыточный миф о тотальной «мафии». Под мафией понимаются не просто преступные группировки, имеющие в уголовном законодательстве вполне отчетливые квалифицирующие признаки, а некие темные враждебные силы, рационализирующие синдром преследования и отчасти оправдывающие нарастающую истерию в средствах массовой информации. В существовании «мафии» заинтересованы обе противоборствующие силы, поскольку борьба с ней влечет за собой применение экстраординарных, чрезвычайных мер и развязывает руки на случай критических ситуаций.

Л. Эдвардс указывает на несколько «фальшобъектов», помогающих канализировать конфликт. Борьба с внешним врагом пробуждает чувство патриотической солидарности и укрепляет сообщество при условии успеха в вооруженном столкновении с противником. Военная неудача же непременно ведет к внутривнутриполитической катастрофе. Необходимым фоном трансфера являются также разного рода «оргиастические» мероприятия: массовые праздники, фестивали, шествия, манифестации, митинги, сопровождающие «поиск врага». Власть ищет в них общественной поддержки, а публицисты — непосредственного контакта с аудито-

рией. Переключение социальной реальности из режима повседневных забот в режим массового спектакля служит важным средством трансфера лояльности интеллектуалов. Превращение обычной жизни — дела рутинного и чаще всего монотонного — в увлекательную театрализованную игру ломает привычный общественный порядок, делает возможным то, что еще вчера было подчинено социальному табу.

Анализируя русскую революцию 1917 года, П.А. Сорокин (4) обратил внимание не только на экономическую стагнацию общества, но также на рост нерегламентированной и аномальной сексуальности. Эта тенденция стала довольно заметной с тех пор, как в русскую общественную мысль пришла «проблема пола». Революционная мечта всегда соотносилась с сексуальной свободой. В традиционных обществах прелюбодеяние считается тяжелым проступком, если не преступлением. В период же революционных потрясений выдвигается требование признания прав «сексуальных меньшинств», а педерастия часто отождествляется со свободомыслием. Это вовсе не значит, что частная жизнь при тоталитаризме в большей степени подчинена нормам морали, чем в свободном обществе. Революция ухудшает общественные нравы преимущественно в том отношении, что делает тайное явным.

Как реагируют на трансфер лояльности интеллектуалов «угнетатели» — те, кто несет на себе бремя власти? Одни из них — консерваторы — упрямо держатся за архаичные социально-политические институты, не признают за угнетенными добродетелей и склонны к применению репрессивных мер. Публицисты и общественное мнение избирают главной целью атаки как раз тех, кто из упрямства, либо по иным несерьезным причинам не желает поступиться принципами. Им достается больше всех, хотя далеко не всегда принципиальными консерваторами оказываются «угнетатели», так сказать, по призванию. Чаще всего изменяют своему классу неудовлетворенные функционеры с интеллектуальными претензиями, обиженные на старую систему за недооценку их нравственных и умственных качеств. Самым непонятным и нетерпимым для них оказывается то общеизвестное обстоятельство, что многие бездари и проходимцы достигли значительно большего в номенклатурной карьере. Такого рода мутанты часто играют заметную роль и занимают важные позиции в революционном движении. Впоследствии они тихо сменяют сгоревших харизматиков и образуют новую номенклатуру.

Другие «угнетатели» в силу присущей им интеллигентности усваивают новые публицистические идеи и признают положение привилегированных классов несправедливым. В определенной степени они вынуждены высказывать соображения, противоречащие их собственным интересам и это доступно далеко не каждому.

Говоря о революционаризации правящей элиты, нельзя не упомянуть об императиве «объективизма» — мощном идейном импульсе новоевропейского Просвещения, пронизывающем, в принципе, любую революционную идеологию. Объективизм — это способность стать выше личных и групповых интересов и следовать универсальным эталонам истины, добра, справедливости. Если бы сами «угнетатели» не вели революционную борьбу со своим классом, революции были бы, вероятно, досадными недоразумениями в мировой истории.

Чаще всего «угнетатели-либералы» вырабатывают своеобразную схему алиби: да, мы принадлежим к господствующему классу, но, по существу, мы перестроились и стали иными — прогрессивными и гуманными по-общечеловечески. Не исключено, что подобная амбивалентность оказывает определенное влияние на превращение многих «угнетателей» в самых отчаянных врагов архаичных политических структур.

До тех пор, пока правящие классы сохраняют веру в правоту своего дела и предназначения, революция не выходит за рамки абстрактной возможности. Эта вера, несмотря на кажущуюся эфемерность, являет собой одну из несущих конструкций социальной стабильности и позволяет элите эффективно и многообразно использовать репертуар бюрократического аппарата управления.

Достоинно удивления, что эффективность властных полномочий — то, что принуждает одного человека подчиниться другому, — определяется не столько их технической рациональностью и продуманностью процесса принятия решений, сколько убеждением в правомерности самого решения и верой в высокое моральное предназначение власти, олицетворяющей либо в вожде, либо в «честной игре» свободных индивидуальных интересов. Стоит только этой вере чуть-чуть пошатнуться, и власть начинает рассыпаться. Возможно, здесь проявляется известный в психологии «эффект антиципации»: предполагаемый субъектом результат действия оказывает существенное влияние на достижение реально-го результата.

Полноценность властного действия в данном случае — вера, некий аналог религиозной веры в святость политического, либо бюрократического служения. А вера держится на культе — системе ритуальных действий и норм, регламентирующих технику подчинения одного человека другому. Например, в XIII веке распространение разрушительной альбигойской ереси не представляло серьезной угрозы для папской власти, поскольку католический клир сохранял незыблемую веру во вселенскую церковь Петра. Папа Иннокентий III беспощадно подавил движение еретиков и Святой престол остался непоколебимым. Любая власть стабильна, если правящая элита сохраняет веру в свою силу и высокое предназначение.

Стоит только бацилле неверия проникнуть в обиталище власти, начинается ее разложение. А роль переносчиков инфекции обычно выполняют интеллектуалы, проникшие в аппарат (а также в число клириков и епископов церкви) вследствие либерализации канонического устройства.

Этот процесс протекает обычно параллельно развитию коррупции — использованию должностного положения в личных целях. Коррупция возникает всякий раз, когда в аппарате ослабевает атмосфера взаимного недоверия и страха. Тогда бюрократический императив «я должен», делающий чиновника независимым от обстоятельств, мало-помалу превращается в либеральное условие «я мог бы, если...» Коротко говоря, взятка еще не получена, но «фрейм» для такой модели поведения уже существует — это «*summum bonum*», где властное служение превращается в частную услугу.

Власть разлагается не потому, что властители берут взятки. Беда в том, что бюрократ теряет в собственных глазах надлежащее величие, становится потным

и суетливым. На место веры, придающей служению силу избранности, приходит странное чувство, недостойное героя — смесь стыда, зависти и злобы. Все это делает власть иллюзорной и слабой настолько, что сокрушить ее теперь может даже трансфер лояльности интеллектуалов. Отсюда, в частности, следует, что власть — не иерархия государственных деятелей, о которых пишут в газетах, а упорядоченное совместное существование, где каждый знает свое место — Сим молитву деет, Хам пшеницу сеет, Яфет власть имеет.

Революции сравнивают со стихийными бедствиями и катастрофами. Их причины остаются не вполне ясными. вполне возможно, что движущие силы революций заключены в интересах противоборствующих классов. Однако механизм революционного переворота приходит в действие благодаря «прослойке» интеллектуалов, от которых зависят как угнетенные, так и угнетатели. Именно интеллектуалы и публицисты артикулируют и обеспечивают трансмиссию «социального мифа»: идеологий, норм морали и права, картин прошлого и будущего. Они устанавливают критерии справедливого и несправедливого, достойного и недостойного, определяют представления о жизненном успехе и благосостоянии, сакральном и профанном. Любая тирания уверенно смотрит в будущее, если пользуется поддержкой интеллектуалов, использующих для этого образование, массовую информацию, религию и науку. Но если альянс власти и могучей прослойки публицистов нарушен, начинается свое движение лавина революции. Даже будучи слабой и морально разложившейся, власть может держаться долго. Но власть, оставшаяся без поддержки интеллектуалов, становится смешной и нелепой в своих собственных глазах. Дни ее сочтены и процесс реставрации начинается обычно с нового прочтения истории революций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См. сб.: *Russland — wohin? Russland aus der Sicht russischer Sociologen* / Hrsg. von Helmut Steiner und Wladimir Yadov. — Berlin: Trafo Verlag, 1999.
Имеется русский перевод фрагмента данной работы: *Эдвардс Л.* Естественная история революции / Пер. с англ. О.С. Грязновой; под ред. Н.Я. Мазлумяновой // *Социологический журнал*. — 2005. — № 1. — *Прим. редкол.*
- (2) См.: *Токвиль А.* Старый порядок и революция. — СПб.: Алетейя, 2008. — *Прим. редкол.*
- (3) При русификации зиммелевского термина *der Fremde*, наряду с упомянутым, также используется слово «чужак». См.: *Зиммель Г.* Экскурс о чужаке / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // *Социологическая теория: История, современность, перспективы.* Альманах журнала «Социологическое обозрение». — СПб.: Владимир Даль, 2008. — *Прим. редкол.*
- (4) См.: *Сорокин П.А.* Социология революции. — М.: Территория будущего, РОССПЭН, 2005. — *Прим. редкол.*

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Клигер С.А.* Рейтинг популярности публицистов // *Экслибрис: научно-информационный бюллетень.* Вып. 1 / НПО «Всесоюзная книжная палата»; Институт книги. — М.: Книжная палата, 1989.
- [2] *Edwards L.* *Natural History of Revolution.* 2nd edition. — Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- [3] *Park R., Burgess E.* *Introduction to the Science of Sociology.* — Chicago: University of Chicago Press, 1923.

POWER AND INTELLECTUALS

G.S. Batygin

The article analyses the «authority and intellectuals» problem through the concepts of L. Edwards' sociology of revolution. The author singles out «the transfer of intellectuals loyalty», i.e. modification of values and conduct within the groups, responsible for culturally legitimate «image of the world», who support this or that institutional forms of social order and authority. The process is seen as one of the symptoms of approaching revolution with its preconditions, mechanisms and character.